

преодоление собственных слабостей и пороков с целью сохранения человеческого вида на Земле.

Литература:

1. Кант, И. Критика практического разума / И.Кант // Сочинения: в 6 т. – Т. 4. – Ч. 1. – М., 1967.
2. Кант, И. Основоположения метафизики нравов / И.Кант. Сочинения: в 8 т. – Т.4. – М., 1994.

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ МЕНТАЛЬНОГО ПОДХОДА: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Д.В. Полежаев, г. Волгоград, Россия

Современное развитие государственного и общественного устройства России и всего постсоветского пространства не отличается равномерностью, предсказуемостью и устойчивостью. Это заставляет как политиков, экономистов, управленцев государственного уровня и других практиков, а также теоретиков – специалистов в сфере социально-гуманитарного знания искать новые опорные точки для направленной социально-государственной модернизации.

Сегодня к политическим, социальным, военным, историческим и многим другим механизмам национально-государственного самоопределения необходимо добавляются механизмы культуры, традиции, менталитета, что видится не просто справедливым, но и закономерным. Учет ментальных особенностей народа, социальной группы, отдельного индивида, взаимосвязанных и проявляющихся в пространстве наличной культуры жизненно важен, поскольку *ментальное* содержание незримо, но и неизбежно пронизывает и социально-культурные сферы, и поведенческие модели, и образ жизни народа, оно (ментальное) фиксирует склад ума, стереотипы мышления и самосознание народа в целом.

Мы попытаемся предложить ученому сообществу философов и всех заинтересованных специалистов социально-гуманитарного знания достаточно долго вынашиваемую нами идею качественно нового способа изучения явлений социально-гуманитарного плана в науках об обществе и человеке – *ментального подхода*.

Новая призма видения тех или иных социальных явлений, процессов, событий в истории, исторически значимых актов означает появление и утверждение новой парадигмы. Парадигма здесь понимается не в узко научном ключе [5], что в философско-обобщающем отношении видится нам недостаточным, а в понимании ее как «внутренней направленности действия». В рамках ментального подхода как развития действия могут быть признаны такие индивидуально-личностные и коллективные психические процессы как *восприятие*, такие ценностные акты как

оценивание, а также поведение – с точки зрения и его стереотипизации, набора наиболее используемых и привычных реакций бессознательного плана, моделей и привычек, приобретших характер нормы.

Историография ментальных исследований довольно широка. Некоторый обзор мы пытались в свое время представить в ряде работ [7; 8], понимая, что список трудов по проблеме менталитета пополняется год от года довольно энергично. Среди различных трактовок, определений и толкований феномена менталитета довольно сложно выделить единственное и однозначное понимание. Мы предлагаем функциональное определение менталитета, способствующее пониманию данного феномена в деятельностном ключе.

Менталитет – это устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формирующаяся и изменяющаяся как под влиянием внешних воздействий, так и путем внутренне обусловленного саморазвития, и функционирующая на уровне внесознательного.

Глубинно-психические установки, то есть непрерывно «работающие» вне поля «открытого» или внешнего (так называемого «чистого») сознания духовные ориентации мысли и воли, включают в себя восприятие, оценку и поведение. Таким образом, в основу работы «ментальных механизмов» положены, на наш взгляд, три основные функциональные установки: установка восприятия (представляющая собой когнитивный элемент), установка оценки (аффект) и установка поведения (деятельностный компонент рассматриваемой «триады»), которые могут быть структурированы в своеобразную глубинно-психическую «вертикаль».

Уточним только, что здесь понятие «глубинно-психический» использовано нами в том смысле, что феномен менталитета несколько выходит за пределы общественного сознания, но, вместе с тем, не отождествляется и с коллективным бессознательным – в контексте теоретических построений З. Фрейда, А. Адлера и К. Юнга о психосексуальной основе коллективного бессознательного.

Развернутая характеристика социальной установки не может быть понята вне осмысления основного свойства, качества установки, связанного с проблемой *иррадиации* – распространения, переноса значений установки внутри целостной социальной системы. Если допустить, что установка представляет собой обычный локальный процесс, протекающий в определенном месте социального организма, то ясно, что она должна иметь отношение исключительно к тем его сферам, которые принимают непосредственное участие в ее становлении и функционировании. Другие сферы при этом должны оставаться совершенно нетронутыми. Однако свойства установки чаще всего переносятся и «работают» по всему

организму, а «свойство иррадиации характеризует установку не специально в одной какой-нибудь модальности, оно характеризует ее вообще» [9].

Ценностные установки менталитета представляют собой отражение в сознании общества и человека различных сфер культуры общества, к числу которых в качестве установок могут быть отнесены: образование, право, семья, религия, история, национальность, политика, эстетика, государство, труд, хозяйство, мораль, природа, язык, время и целый ряд других.

Приведенное определение понятия «менталитет» является концептуальной основой нашего исследования и формулирования ментального подхода. Оно представляется нам не только вполне жизнеспособным, но и убедительным в функциональном плане – возможностью заполнения вектора фиксированных социально-культурных установок в зависимости от круга интересов и исследовательской позиции того или иного автора.

Исследование русского менталитета или менталитета русского народа может включать в себя различные установки – не только в зависимости от того или иного конкретно выделенного предмета исследования, но и с учетом временного (исторического) отрезка, на который это исследование направлено. Отдельные периоды, например русской истории, дают часто различные «картинки» менталитетов, точнее – «прорисовки» внешнего слоя менталитета, связанного с индивидуальным или коллективным поведением, социальной деятельностью, которая, напомним, во многом зависит от социальных обстоятельств жизни общества, господствующей идеологии, государственного устройства и т. п., то есть не вполне определяется собственно менталитетом как феноменом глубинно-психического плана, имеющим достаточно четко выраженную проявленность на исторически длительных отрезках времени. Условно говоря, представляется весьма проблематичным оценить менталитет в его сущностных компонентах, проведя одноразовое «фиксирование картины дня». Впрочем, некоторые внешние элементы могут и дать определенную пищу для заинтересованного исследователя.

Категориально-понятийное дополнение, важное в методологическом отношении, заключается в содержательном разведении менталитета и ментальности на «целое» и «часть». Менталитет рассматривается как система установок общества, народа и других «больших» феноменов; понятие «ментальность» применяется к индивиду, личности, малой социальной или профессиональной группе и т. п. Такого рода уровневое разделение, нехарактерное для европейской традиции, конечно, представляет собой в отечественной социогуманитаристике в некотором роде элемент договоренности (то есть необязательности), однако он

помогает упорядочению терминологического применения и снимает путаницу в использовании данных терминов как научных категорий.

Ментальный подход – это видение мира через призму менталитета / ментальности, с учетом менталитета, основываясь на менталитете, используя ментальные конструкты социально-индивидуального плана. Такого рода ментальное видение мира распространяется как в историческом протяжении (весьма интересные характеристики такого рода встречаются у Г.В.Ф. Гегеля, А.Я. Гуревича, Р.М. Грановской, М. Коула, С.В. Лурье, И.М. Никольской и др. [1; 2; 4; 6]), так и в кросс-культурном отношении.

Формализуя некоторые исследовательские позиции ментального подхода, можно достаточно уверенно обозначить ряд его важнейших в философско-методологическом отношении положений:

1. Ментальный подход, претендуя на особое место в системе философско-методологических оснований социально-гуманитарного знания, в качестве собственной основы использует феномен менталитета;

2. Ментальный подход функционально ориентирован на систему глубинно-психических социально-культурных установок, которые в системе задают пространство осуществления ментальных феноменов;

3. Ментальный подход предполагает учет национально-культурного и цивилизационного контекста жизнедеятельности общества и человека;

4. Ментальный подход необходимо учитывает историческое время функционирования явлений, событий, процессов. Вообще, вопрос «времени менталитета» многогранный. Ментальные феномены сопрягаются с «кратким сроком» жизни человека, временем «средней протяженности» экономики и политики, а также со «временем большой длительности» (Ф. Бродель), в котором они изначально органично присутствуют; исследователи – представители французской Школы «Анналов» рассматривали *la longue durée* как время внеличных и личностно окрашенных структур и относили к ним такие «длительные» феномены как: эмоции, воображение, ментальные феномены, картина мира, сны и ценности [3].

5. Время изменения менталитета сверхдлительное, поэтому управлять им невозможно, только учитывать. Поэтому и необходим ментальный подход. Сложен и вопрос о возможности полного уничтожения менталитета: условия должны быть катастрофическими, хотя примеры так называемых «ментальных разрывов», например, в истории России – вещь достаточно известная;

6. Ценностный аспект ментального подхода (вытекающий из социально-культурных установок ментальной системы) не предполагает постановку человека во главу угла мировидения («гипергуманизма»);

вместе с тем ментальный подход учитывает типичные, наиболее распространенные «эмоции эпохи», фиксируя ценностный ряд;

7. При изменении объекта исследования (человек, группа, общество) ментальный подход меняет масштаб: ментальность личности и менталитет общества сопоставляются между собой как «целое» и «часть»;

8. Ментальный подход предполагает постижение самосознания человека определенной эпохи, причем как с точки зрения *его*, то есть самого субъекта, так и точки зрения *на него* – со стороны, с позиции наблюдателя; Смена индивидуального самосознания выступает при этом и как объективный, и как субъективный акт;

9. В числе основных принципов «работы» ментального подхода необходимо выделяются: открытость, дополнительность, историзм, системность, последовательность, логичность и ряд других, показывающих тесную методологически значимую связь ментального подхода с другими философскими и общенаучными подходами.

В первом приближении основные положения ментального подхода могут быть представлены именно так. Это, повторим – не жестко фиксированные рамки, поскольку содержательно-смысловое пространство ментальных феноменов видится открытым, а именно попытка формализации ментального подхода, необходимость оформления которого в социально-гуманитарном знании очевидна.

Помимо вышеизложенного, необходимо обозначение и подробное рассмотрение существенных (сущностных) признаков ментального, чтобы можно было достаточно четко определять явления ментального плана или ментальные проявления и характеристики в самых различных феноменах, функционирующих в пространстве жизнедеятельности общества и человека. Данный и некоторые другие моменты будут развернуты нами в последующих публикациях. Полное видение темы автор надеется представить в скором времени ученому сообществу в формате монографии.

Надеемся, что востребованный в социально-гуманитарном знании ментальный подход, некоторые элементы которого мы попытались обозначить в настоящей работе, будет способствовать должному использованию научного потенциала полноводной реки ментальных исследований.

Литература:

1. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. – Т. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1968.
2. Грановская, Р. М. Защита личности: психологические механизмы / Р. М. Грановская, И. М. Никольская. – СПб.: Знание, 1999.
3. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» /

А.Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993.

4. Коул, М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М. Коул. – М.: Когито-Центр: Ин-т психологии РАН, 1997.

5. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977.

6. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М.: Аспект-Пресс, 1997.

7. Полежаев, Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века»: монография / Д.В. Полежаев – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003; То же: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r25778/volsu359.pdf.

8. Полежаев, Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление: монография / Д.В. Полежаев; ВГИПК РО. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.

9. Узнадзе, Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки / Д.Н. Узнадзе // Психология установки. – СПб.: Питер, 2001.

КРИТИКА УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РАЗУМА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX – XX ВВ.

Т.Г. Румянцева, г. Минск, Беларусь

К числу *общечеловеческих ценностей* традиционно относят те основополагающие духовные принципы, которые веками составляли цементирующее ядро «европейского человечества». Среди них в первую очередь следует акцентировать ценности Разума, который благодаря выдающимся европейским мыслителям XVII – XIX вв. действительно стал одной из фундаментальных ценностей европейской культуры и цивилизации.

Начиная с философов Нового времени и Просвещения, и заканчивая представителями немецкого идеализма, стало общепринятым полагать, что непрерывное совершенствование разума в истории чуть ли не автоматически приведет к прогрессу человечества, а значит, и решению всех стоящих перед ним проблем. Будет достигнуто справедливое общественное устройство, в котором политические и правовые институты соответствуют истинной природе человека; решены проблемы, связанные с голодом, болезнями и т.п.

Ценность разума предполагала также веру в естественную упорядоченность и разумность мира, якобы имманентно пронизанного логосом; убежденность в способностях человека постичь этот мир и устроить его на разумных началах («Что разумно, то действительно; и что действительно, то и разумно»).

Вера в разум как абсолютную ценность и атрибутивное свойство философского познания мира была органически связана и со